

Э.Т. Гутиева

ДРЕВНИЙ САКРАЛЬНЫЙ МОТИВ В ТЕКСТЕ КАДАГА «БЕЗЫМЯННЫЙ СЫН УРУЗМАГА»

Э.Т. Гутиева*

Аннотация. Текстологический анализ позволяет переqualифицировать описанный в нартских сказаниях случай убийства по неосторожности на благодарственное ритуальное жертвоприношение. Такая интерпретация помогает установить время создания кадага, который впоследствии подвергался редакциям и изменениям, обусловленным гуманизацией общества.

Ключевые слова: Нарты, кадаг, сага, текстологический анализ, убийство по неосторожности, ритуальное убийство, жертвоприношение.

Большинство кадагов осетинского Нартского эпоса представляют собой самодостаточные рассказы, моносюжетные, обладающие структурной целостностью. Их стройность привлекала внимание еще В.Б. Пфаффа, одного из самых ранних исследователей нартских сказаний [1; 9]. Единственным исключением можно считать кадаг «Уырызмаеджы æнæном лæппу» – «Безымянный сын Урузмага», состоящий из композиционно, казалось бы, несвязанных между собой частей о том, как Урузмаг накормил нартов и как по роковой неосторожности погиб его сын.

В первой части говорится о том, что доблестные нарты обессилели от длительного голода в неурожайный год: «скорбны стали их сердца, и потеряли они веру в свои силы» – ныфс асаст – зæрдæ амард.

Печалится от этого Урузмаг, ведь даже собака глумится над их сломленностью. Помогает ему волшебное провидение (а как еще объяснить, что он не знает о несметных запасах в своем хозяйстве и то, что хранившиеся в них продукты не испортились), проводником которого является Шатана, прославленная своим хлебосольством и мудростью. С готовностью откликается она на переживания супруга и открывает свои несметные кладовые. Всех позвали они к себе и «день за днем пировали нарты».

Но, отлучившись с пира, Урузмаг в силу рокового волшебства оказывается у Донбеттыров. Герой – ортодоксальный нарт, что предполагает не только комплекс героических качеств и добродетелей, но и неукоснительное соблюдение ритуала и этикетных практик: «...раньше чем приступить к еде, Урузмаг, по обычаю нартов, поднял на мече своем кусок мяса, богу предначиненный, и вознес молитву». Затем в полном соответствии с этикетом ацаходын – когда первым отведают и еду, и напитки должен самый младший из присутствующих, «по обычаю обратился он ласково к мальчику:

– Подойди ко мне, мое солнышко, жертвенного мяса отведай.

И, держа мясо на острие меча, Урузмаг протянул его мальчику. Быстро подбежал малютка и вдруг споткнулся и упал на меч». Мальчик мгновенно погибает. В антиклимаксе – оплакивания невинного и переживания виноватого. Горе Урузмага усугубляется, когда, вернувшись домой, из причитаний Шатаны узнает, что стал невольным виновником гибели собственного сына.

С позиций классического, но не мифологического, триединства нарушены два принципа – единство места и действия. Соблюдено только единство времени, и это создает некоторую искусственность в архитектонике данного кадага.

Наиболее очевидное объяснение связи между двумя частями – излишнее, по эпическим меркам, благополучие. Нарты накормлены, но Урузмага, имеющего все основания гордиться собой и своей семьей, вместо ожидаемого общественного почета подстерегает общее сочувствие. В сказке все могло и должно закончиться пиром, ознаменованном преодолением всех трудностей и вступлением в долгую и счастливую жизнь. В эпосе излишнее благополучие *contra leges* и повод для трагической коллизии. Так погибают *Æхсар* и *Æхсæртæг*, когда все испытания пройдены и впереди предвкушение и перспективы счастья жизни на родине (Ахилла убивает Парис, когда он приходит невооруженный на бракосочетание; Минотавр побежден, но Эгей погибает в пучине волн, не успев узнать об этом.)

Кроме того, вторую часть можно рассматривать как самостоятельный сюжет, или *mise en abyme*, и тогда весь кадаг организован по принципу матрешки – «сон во сне», «рассказ в рассказе».

Данная рекурсивная техника, особенно широко представленная в цикле арабских сказок «Тысяча и одна ночь», встречается во всех культурных традициях. Встреча неузнанных род-

* Гутиева Эльмира Тамерлановна – научный сотрудник СОИГСИ (gutieva@list.ru).

ственников во второй части и ее трагический финал достаточно многообещающее и интригующее повествование, которое должно быть пересказано участникам первой части – пирующим Нартам. Отдельно этот сюжет обычно рассматривается параллельно с древнегреческими мифами, персидскими сказаниями, ирландскими сагами, русскими былинами (В.И. Абаев, Ж. Дюмезиль, В.С. Миллер, М. Иштванович) [2. 1990], [3; 81], [4; 59–63], [5; 67–79], как обусловленный «порядком вещей при матрилокальной семье» [6; 16], когда сын не знает отца, а отец сына. В русских сказаниях вариантом архетипического сказания является обещание героя пожертвовать сыном, о котором ему неизвестно.

Но можно предполагать, что история гибели неназванного сына Урузмага неслучайно рассказана в контексте пира. Намеренно упрощенная сюжетная канва кадага выглядит следующим образом:

- случился голод
- герой накормил соплеменников
- герой убивает своего сына.

Может ли это быть реликтом, более поздней редакцией исходного рассказа о жертвоприношении сына?

Жестокая отвратительность, абсолютная бессмысленность и противозаконность жертвоприношения – это отвечающие современному цивилизационному цензу современные интерпретации данного явления. Аберрация времени не дает нам по-другому взглянуть на него даже в мифологическом контексте.

Считать этот ритуал типичным культом ранних обществ, представленным у всех народов, имеются данные исторического, археологического и мифологического порядка.

Различались только регулярность, масштаб и формы самих практик в зависимости от состава пантеона, предписаний общества, рвения отправителей культа. Наиболее масштабные «праздничные» у инков и майя, наиболее изощренные в исполнении кельтских друидов.

Аммонитяне, финикийцы и карфагеняне в искупительных целях сжигали детей. Несмыслимый отрицательный шлейф у Геенны Огненной, т. к. именно там древние израильтяне приносили детей в жертву палящему солнцу и ветхозаветному Молоху.

По древнему ритуалу *Wauorfer* у германских народов, хитобасира у японцев, («живой столб»), жертву, как правило мать с младенцем, заживо замуровывали в одну из опор для будущего строения, чтобы защитить постройку в случае землетрясения, военных тревог и прочих бедствий.

Все человеческие жертвоприношения в Риме были запрещены как варварский обычай только в 97 г. до н. э. А ведь это I век до н. э. – век Ови-

дия, Вергилия, Цицерона и Цезаря. Последний, кстати, известен тем, что его возмущали жестокость жертвоприношений друидов. Детоубийство стало караться смертной казнью, согласно Римскому праву, с 374 года н. э., и император Валентиниан I обязал растить всех рожденных детей.

В Коране приводятся данные о том, что арабы периода язычества приносили в жертву идолам своих детей.

В эпической литературе индуизма сказано, что человеческие жертвы угодны Богине, и Пурушамэдха – это название специального ритуала принесения в жертву человека.

В Брахманах и в шраута-сутрах в специализированных списках жертвоприношений человек занимает первое место как наивысшая из жертв.

Древние греки практиковали принесение в жертву животных, однако мифологический материал – об Ифигении, о судьбе Поликсены – позволяет предположить, что для их предков принесение в жертву людей было достаточно обычным явлением.

Наиболее известный мифологический сюжет – это испытание веры библейского Авраама, который должен собственноручно принести в жертву своего сына. Главный вопрос не в том, с какой готовностью он демонстрирует свою преданность Господу, а насколько единичен или насколько типичен этот случай для его народа. Если отбросить дополнительные, усугубляющие драматизм испытания факторы – о том, что Исаак – первый (хотя был Исмаил от Агари, египтянки) сын, что, очевидно, этот удар будет чрезмерным для его престарелой матери, что отцу было уже 100 лет и перспективы продолжения рода крайне сомнительны, то в сухом остатке – практика ритуального сыноубийства была. Ветхозаветные жертвы служили прообразом той высшей жертвы, которую Сын Божий принес на земле за грехи людей.

В отличие от Авраама герой другого эпоса сам предлагает своих сыновей в обмен на собственное долголетие. В скандинавских сагах есть король Ауни, великий жертвователь – *great sacrificer*, но плохой король. Он не побеждал своих врагов, а, в буквальном смысле, переживал их, дожидаясь их смерти. Он принес в жертву богу Одину одного за другим 9 сыновей. Десятого ему не позволили его поданные, и не потому, что их возмущала его жестокость, а потому, что устали от сенильного, немощного правителя.

Можно провести параллель данной саги с дигорским вариантом сказания о неназванном сыне Урузмага [8; 113]. В этом, менее известном, тексте мальчик семнадцатый по счету, все шестнадцать старших погибают от руки отца. Но даже и в более известной редакции это сказание связывают с «ритуальным убийством состарившегося

правителя, последующее возрождение которого должно привести к обновлению всего мира» [9; 326], а пир устраивается именно по поводу продления жизни правителя. На основании абхазской редакции сказания З.Д. Джапуа рассматривает «роковую смерть младенца» как развитие сюжета о «героическом сватовстве» [10; 76].

Итак, представленный в ранних эпосах других народов мотив жертвоприношения мог быть зафиксирован и в нартских сказаниях и являться еще одним свидетельством их глубокой древности.

Подобное прочтение кадага о безымянном сыне Урузмага может помочь вскрыть глубинные связи текста, обусловить его целостность, снять ряд «противоречий».

Появляется дополнительное основание обратить внимание на контекст пира, который принято рассматривать в качестве «конкретной атрибутики обряда ритуального убийства предводителя» [10; 80], недееспособность которого и является источником бедствий [11; 9].

Представляется возможным назвать это контекстом голода. «Нартыл фыд аз, фыд дуг скодта» – «Пришел в Страну Нартов голодный год». Отрицательность атрибутивного словосочетания или сложного слова *fydaz/fudanz*, рассматриваемого Э. Бенвенистом в сравнении с староперсидским *dušiyāga* – «плохой год, голодный год» [12; 9] усиливается нарративным приемом – корневым повтором – корня прилагательного «фыд» и употреблением существительного «дуг», означающим неопределенно большой отрезок времени.

Общеизвестно, что мифологический голод, засуха, потоп и т. д. – это гнев богов. Рассерженные, обиженные или мстящие смертным за их проступки, они могли преследовать карательные, назидательные, воспитательные или иные цели. Наиболее распространенной практикой ранних цивилизаций являлось стремление умилостивить небожителей, отблагодарить их, засвидетельствовать им уважение, принеся жертву. Прецедентность ситуации – голод – позволяет предполагать прецедентное ее развитие – жертвоприношение. Появляется жестокая, но логика в смерти мальчика – его трагическое, но высокое предназначение. В нашей трактовке пир – это не ритуальное действие, а буквальное накормление нартов, средство их спасения от голодной смерти.

Ведь Урузмаг готов отдать жизнь, чтобы помочь нартам: бирæ цæрæнбон мын куы нæ уайд! Или бирæ цардмæ бæргæ нæ бæллын! Идея обмена жизни одного на спасение народа – это риторическая фигура или буквальное предложение, договор с богами отдать лучшее?

Священность человеческой жизни вообще и детей в частности подчеркивается тем, что са-

мое дорогое приносится в жертву. Символическая ценность жертвы в ее

- социальной престижности (сын правителя)
- первородстве
- физическом превосходстве (самые сильные из юношей, самые красивые из девушек)
- невинности (девственницы, младенцы).

Таким образом, сын Урузмага первым попадает в группу риска:

1. Особо почитаемой жертвой считались дети знатных родов, а Урузмаг – один из хистæров – старших или, в терминах древних германцев, конунг нартов. На возраст Урузмага указывают либо прямо – зæронд, либо косвенно – зондамонæг, он уже достаточно немолод, а отцовства не познал, т. е. над ним нависает угроза общественного порицания. А у него есть сын, о котором он не знает, его первенец. С другой стороны, в тексте кадага не говорится о его неспособности, которая бы поддерживала версию о принесении в жертву сына во имя продления жизни отца – он легче других переносит голод: ходит, когда другие уже не в силах двигаться; носит дрова; закалывает и разделывает жертвенное животное. Да и сын у Урузмага родился незадолго до этого, когда он был в походе. Оба обстоятельства говорят в пользу его физической состоятельности.

2. Перворожденность – особенное достоинство и в глазах людей, и, видимо или как следствие, в глазах богов. Уже упоминавшийся выше король Ауни за первого сына получил 60 лет жизни, за каждого последующего – по десять. Нехитрым арифметическим действием устанавливается равенство всех непервых по сравнению с первым и шестикратное превосходство последнего, т. е. первого над ними. А по книге пророка Микаха, можно рассчитать соотношение между искупительной ценностью жертвенного животного и перворожденного сына, там вопрошается, хватит ли тысячи ягнят или «Отдать ли мне первенца моего за грех мой, плод моей плоти за грех моего духа?» 'Shall I give my firstborn for my sin, the fruit of my body for the sin of my soul?' [13; 1145]. С идеей первородства входят в противоречия некоторые обстоятельства – возможно, это все-таки не первый сын Урузмага, который погибает – на это указывает Шатана, причитающая «иунæг сусæг æвæрæн ма мын уйдис мæ цæгаты ... фæлæ та йæ уым дæр ссардта». «только один тайник и оставался у меня в доме родителей. И там он нашел его». Интерпретация этих слов приводит некоторых исследователей к выводам об умышленном убийстве отцом-правителем сына, возможного претендента на его власть [14; 216].

3. Боги предпочитают лучших, а кадаг, глазами бездетного, каким он сам себя ошибочно считает, Урузмага, любителю и восхищается

мальчиком – «и не мог Урузмаг наглядеться на мальчика». Урузмаг мог почувствовать голос крови, но, возможно, что мальчик действительно был дивно хорош.

4. Сын Урузмага настолько молод, что не прошел инициации, у него еще нет имени, т. е. за ним не числятся достижения, но главное, что у него нет и грехов.

Это объясняет, почему, зная об опасности и движимая материнским инстинктом, Шатана прячет сына у Донбеттыров. Сама она, оплакивая его, говорит: «В походе был в то время хозяин наш, когда родился сын у меня. Отдала я сына нашего на воспитание в свой родительский дом». Но это не инсенство – æмцег, хотя воспитываться до совершеннолетия не в доме отца – достаточно распространенная практика. Шатана скрывает факт рождения сына ото всех – никто из нартов, включая Урузмага, не подозревает о его существовании. Тайна провоцирует вопросы о возможном позоре для женщины, родившей в отсутствие супруга. Однако маловероятно, чтобы искусница Шатана не смогла убедить Урузмага в естественности сроков рождения их сына. Можно предполагать, что ей было откровение, явилось предзнаменование, что от отца исходит угроза. Очевидно, что у нее были серьезные основания опасаться за его жизнь, особенно в ее раннем периоде. А впоследствии она могла предъявить Нартам взрослого и состоявшегося героя, который бы позаботился о ней в старости: «Чи ма нын уйдзæни зæрондæй удæнцой?»

Надуманым представляется и предлог, под которым отлучился с пира Урузмаг, – наколоть дров для потухающего огня в очаге. Простые, не волшебные поступки должны подчиняться элементарной логике. Почему Урузмаг, пусть и хозяин дома, но старший рода, должен сам выполнять такую работу? Интересно, что в лапидарно изложенном библейском сюжете два раза упоминаются дрова – Ветхозаветный Авраам тоже сам наколет и повезет дрова для жертвенного костра.

Когда с восторгом наблюдал Урузмаг за маленьким мальчиком, и «радость наполняла его сердце», его особенно умиляли сноровка и резвость ребенка. Тем менее объяснима неловкость движений мальчика при обряде ацаходын.

Усугубляется трагичность происшедшего безмятежностью участников застолья, красотой и богатством интерьера дома Донбеттыров, отсутствием какой-либо опасности. В тексте гибель ребенка – несчастный случай, это не результат гнева, ссоры, агрессивного поведения (см. кадаг «Как Хамыц убивает всех сыновей Сырдона») и не наказание за непослушание. Повод обнажить оружие тоже мирный, ритуальный – Урузмаг разделывает им жертвенное мясо. Но факт остается фактом – мальчик заколот, убит мечом – хъама

своего отца во время совершения им ритуально-го действия.

Можно рассматривать женский состав свидетелей смерти мальчика как аргумент в пользу нашего прочтения. Три девушки, «одна красивее другой и одна другой стройнее», почтенная старая женщина. Жрицы? Весталки? Плакальщицы? А ведь у Донбеттыров есть и мужчины, представители сильного и более многочисленного пола (у Дзерассы было 7 братьев и две сестры, т. е. нормальное эпическое соотношение между полами), почему к почетному гостю, 'мцег-хæрæфырт, не вышел никто из мужей. Значимое отсутствие мужчин, и Урузмаг сам зарезал кусарт – откормленного барана, «жертвенное мясо» для угощения.

Старая женщина не предаётся горю и, пока девушки занимаются умершим, предлагает Урузмагу угоститься, т. е. продолжать ритуал: «Тебе нужно поесть, Урузмаг. Того, что случилось, теперь не поправишь. Все свершилось по воле бога». Возможно, отсутствие эмпатии у женщины призвано контрастировать с силой потрясения Урузмага, но можно предположить, что она готова была принять обрядовую жестокость и у нее есть выработанное практикой отношение к неизбежному.

Миф об Аврааме и его сыне Исааке, как бы ни интерпретировались побудительные мотивы Господа, возможно, отражает компромиссную стадию, когда человеческое жертвоприношение было заменено на животных. Дочь Агамемнона Ифигению заменили ланью/ягнёнком. Параллель можно найти и в развитии кадага: когда сын Урузмага, вернувшись из Страны Мертвых, сам добывает жертву дляминального обряда, он вручает своему отцу белого вола. В Библейском словаре Брокгауза говорится о принесении в жертву белого быка в Древнем Риме [15; с. 320].

Компромиссом в ведийской практике был ритуал символического жертвоприношения – Ашвамедхи, когда привязанные к столбу через определенное время освобождались. Более известен и распространен другой компромисс – оставление на волю судьбы с разной степенью риска для жертвы – на волю волн или на растерзание диким зверям и отведение в лес – как в немецких сказках. А Шатана и следующего сына пытается спрятать и кладет его в лодку. Алгоритм ее обращения с новорожденными сыновьями заставляет предположить, что она выжидает, пока они не повзрослеют.

Лиризм описания – «как подкошенный цветок», «содрогнулся несколько раз», «улетела прочь младенческая душа» – говорит о том, что, конечно, это описание потрясенного наблюдателя, именно потрясенного, а никак не хладнокровного исполнителя ритуала. И Урузмаг долго

скорбит, нетипично для нартских сказаний. Это обстоятельство также противоречит мнению В.Д. Уанеты о политической подоплеке кадага, в котором он усматривал мотивы борьбы за власть и устранения нежелательных (незаконнорожденных) претендентов [14; 217]. Однако представляется, что данная интерпретация не поддерживается ни текстологическим анализом самого кадага, ни историческими данными о наследовании власти.

Герой ищет утешения на Нихасе – и успокаивают его другие нарты. Публичность и продолжительность его скорби могут быть вызваны тем, что бесчеловечность обряда не оправдывает даже его общественной значимости и важности.

Мальчик в загробном мире сидит на коленях у Барастыра – «уыдис ын бадæн Барастыры уæрагыл». Его привилегированное положение среди умерших может быть обусловлено его трагической гибелью в юном возрасте. Но Сослан в Стране Мертвых (кадаг «Сослан мæрдты бæсты») видел детей – несчастны они, и не только тот, кто был непослушным при жизни, но и «умершие в сиротстве». За тяготы земной жизни им не воздалось в потустороннем мире. А сын Урузмага пользуется особым расположением бога загробного мира, возможно, за то, что был предназначен ему.

Последовательность событий – устроил пир – помолился – заколол – может свидетельствовать о том, что это случай благодарственного жертвоприношения, когда жертву могли при-

носить и после оказания помощи, по результату (Ной выбирает чистых животных после спасения от потопа. Агамемнон просит помощи и обещает богам жертву). Либо хронология событий могла быть нарушена сказителями намеренно.

В кадаге можно выделить «годовые кольца» подобно сосуществующим множественным интерпретациям известного сюжета о возлюбленной Ахилла, величайшего из героев Греции, готового ради любви перейти на сторону троянцев. Есть три основные версии кончины Поликсены – самоубийство из любви, смерть от руки Одиссея при взятии Трои. Третья, возможно, наиболее ранняя, представлена двумя вариациями сюжета принесения ее в жертву. Эта множественность может быть хронологическим фактом – по мере цивилизационного развития «нормальность» и «почетность» жертвоприношения невесты на могиле ее любимого его друзьями переосмысливалась и стала восприниматься как варварство.

Данный кадаг о сыне Урузмага также мог подвергаться редактированию, вынужденному временем и эволюцией общественной морали, и предстать «в приглаженной форме, представляющий сплав нескольких вариантов» [16; 163].

Если вышесказанное имеет основания, то можно предполагать, что время создания кадага относится к периоду, когда человеческие жертвоприношения практиковались, но изменения его текста и последующая редакция относятся к периоду гуманизации общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пфафф В.Б. *Материалы для древней истории осетин. ССКГ, вып IV, 1870. С. 9.*
2. Абаев В.И. *Избранные труды в двух томах. Т.2. – Владикавказ, 1990.*
3. Дюмезиль Ж. *Осетинский эпос и мифология. – М., 1977. С. 81.*
4. Миллер В.Ф. *Экскурсы в область русского народного эпоса. – М., 1892, С. 59–63.*
5. Иштванович М. *Грузино-иранская народная книга и осетинское героическое сказание. Мацнэ, 1978, № 1. С. 67–79.*
6. Абаев В.И. *Осетинский язык и фольклор. – М.–Л., 1949. С. 16.*
7. Stube, 1927, 962. *Цит. По Д.К.Зеленини. Избранные труды. Статьи по духовной культуре, 1934–1954. – М., Индрик, 2004. С. 145–175.*
8. Джанаева Н.А. *Вопросы осетинской литературы и фольклора. – Орджоникидзе, 1984. С.113.*
9. Дзиццойты Ю.А. *Нарт Урузмаг и его сыновья // Осетинская филология: История и современность. Вып.3.– Владикавказ, 1999. С. 326.*
10. Джануа З.Д. *Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абырыкиле. – Сухум, 2003, с.76.*
11. Dzitsoity Y.A. *Osetic tydaz and OPrs dušyāra-. Nartamongæ, 2002, vol.1 №1. с.89*
12. Benveniste E. *Etudes sur la langue ossete. Paris, 1959, p.9.*
13. *New World Translation of the Holy Scriptures. International Bible Students association. New York, USA, 1984. 1145 p.*
14. Уанеты В.Д. *Очерк тæ нарты цардæй. Известия ЮОНИИ. – Цхинвал, 1998. С. 207–220.*
15. *Библейский словарь Брокгауза, Кременчуг, 1999, с. 320.*
16. Ж. Дюмезиль. *Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1977. С. 163.*

ANCIENT RITUAL IN THE NARTS' SAGA

E.T. Gutieva

PhD, Researcher SOIGSI (gutieva@list).

Abstract. *The analysis of the circumstances of involuntary manslaughter narrated in one of the Narts' sagas provides enough textological evidence to view the case as the human sacrifice. Such interpretation can help to verify the age of the saga, whose current form and contents were shaped by the evolution and humanizing of the society.*

Keywords: *Narts, saga, text interpretation, analysis, involuntary manslaughter, ritual, human sacrifice.*